

Елена Шварц

ЧЕТЫРЕ Элегии

на стороны света

1 (северная)

М.Ш.

По извилиам Москвы, по завертьям ее безнадежным
Чья-то тень пролетала в отчаяньи нежном,
Неумрудную утку в пруду целовала,
Заскорузлые листья к зрачкам прижимала,
От трамвая-быка хохоча ускользала,
И трамвайною искрой себя согревала.

Зазывали в кино ночью - "Бергмана ленты!"
А крутили из жизни твоей же моменты
По сто раз. Кто же знал, что ночами кино арендует ад?
Что привязаны к стульям покойники в зале сидят?
Запрокинувши головы смотрят назад?
Что сюда их приводят как в баню солдат?
Телеграмма Шарлотте - "Иду. Люблю. Твой Марат."

Скинула с себя семь шкур, восемь душ, все одежды,
А девятую душу в груди отыскала,
Она кротким кротом в руке трепетала
И как бабе с метлой, голубой и подснежной,
Я ей глазки проткнула и она умирала.

Посмотри- небосвод весь засыпан, и сыплются крылья и
перья,
Их неделю не вымести, зарыться навеки теперь в них.
Посмотри- под Юной пролетают Лев, Орел и Телец,
А ты спиши, ты лежишь среди тела змеиных колец.
Где же ангел? - ты спросишь, а я ведь тебе и отвечу:
Там где мрак- там сиянье, весь мир изувечен,
Мраком ангел повился как цепким растеньем,
Правь на черную точку, на мрак запустенья,
Правь на темень, на тьму, на утесы, на смутное, в яму.
В прятки ангел играет? Да вот он- в земле-под-ногами.
Он не червь. Не ищи его в поле ты роясь,
Видишь- светлые птицы к зиме прилетают на полюс?

Посмотрела она, застонала
И всю ночь о зубы запинаясь летала
И закапала кровью больницы, бульвары, заводы...
Ничего! Твоя смерть-это ангела светлого рода.

17 окт. 78г.

П. (южная) На мраморную статуэтку

И.Бурихину

Девушка! Вы что-то обронили?
Ах, не важно. Это так! Ступня.
Как перчатка узкая. И пылью
Голень поразвялась звения.

И глядя на вас я хватилась себя-
Нет старой любви, нет и этой зимы,
И будущей- только на мачте огонь
Горит синеватый, да ревы из тьмы,
Да стая ладоней кружат надо мной
Как чайки, и память уносят, клюют.
И тьма костенеет и скалы хрипят,
И ткань будто близко и яростно рвут,
И жизнь расползается в масляный круг.
А точкой болимой была. Обломки плывут.
Скажи мне, родимая- я ли жила
На свете? В лазури скользила, плыла?
Изумрудную травку с гусыней щипала, рвала,
И мы с нею шептались-ла-ла да ла-ла?
В луже вечность лежала и я из нее и пила.
Разлилась эта луга, как море, где в волнах ножи,
Они рубят и режут. О долгие проводы-жизнь!
А ведь Бог-то нас строил-алмазы
В костяные оправы вставлял.
А ведь Бог-то нас строил-
Как в снегу цикламены сажал,
И при этом он весь трепетал и горел и дрожал,
И так сделал, чтоб все трепетало, дрожало, гудело

Как огонь и как кровь, распадаясь, в темноты летело-
Где сразу тебя разрывают на части,
Впиваются в плечи несътые пасти,
Вынь памяти соты— они не в твоей уже власти.
И только любовь будто Лота жена блестит,
Копьем в этой бездне глухой висит.
Где полюс Вселенной, скажи мне, алмазный магнит!
Где белый и льдистый, сияющий Тот,
К которому мчатся отныне и Нансен и Пирри и Скотт,
Чрез тьму погоняя упряжку голодных теней?
Я тоже туда—где заваленный льдинами спит
Лиловый медведь, куда кажет алмазный магнит.
Горит в небесах ли эфирный огонь
И глаз косяки пролетают на юг.
Птицы—нательные крестики Бога!
Много вас рвется и снова вас много,
Вы и проводите нас до порога
Синих темнот, где дадут нам упряжку и сани,
Где через вечную тундру дорога,
Там уже мы не собьемся и сами...»

III. (восточная)

Е.Феоктистову

Встань! Не стыдно при всех-то спать?
Встань! Ведь скоро пора воскресать.
Крематорий— вот выбрала место для сна!
Встань! Поставлю я шкалик вина.
Господи! Отблеск в витрине— я это и есть?
В этом маковом зернышке воплотилась я здесь?
Что ж! Пойду погляжу цикламены в трескучем снегу
И туда под стекло-пташкой я проскользну, убегу.
Да и всякий есть пташка на ветке поюща,
И никто его слушать не хочет, а он разливается пуще.
Золотым опереньем укроюсь погуще,
Погадай, погадай на кофейной мне гуще.
Потому что похожа на этот я сдохший напиток,

Потому что я чувствую силу для будущих пыток.
Боже, чувствуя на страну я похожа Корею,
Наступи на меня и я пятку тебе согрею.
Боже, выклой зерно на меня поскорее.
Солью слез Твоих буду и ими опьюся.
Всяк есть птица поюща—так хоть на него полюбуйся.
И сквозь снег, продышав, прорастает горячий цветок.
Позвоночники строем летят на Восток.
Форма ангела—ветер, он войдет незаметен.
Смерть твой контур обвист, обведет очень четко,
Это едкое зелье, это царская водка.
И лети же в лазури на всех парусах.
Форма ангела—ветер, он дует в висках.

1У (западная)

Н.Гучинской

На Запад, на Запад тропою теней
Все с воем уносит— туда, где темней.
Обноски и кольца и лица, как шар в кегельбане,
Как в мусоропровод— и все растворяет в тумане.
Так что ж я такое? Я хляби предвечный сосуд,
Во мне Средиземное море приливом, отливом мерцает,
Я уши заткну и услышу— что в ракушке шум,
И сохнут моря и сердца их.
А что остается на сохнущем быстро песке?
По пальцам тебе перечислю в тоске:
Моллюски и вирши и слизни и локон,
Но вот уж песок подымаясь зачмокал.
Человеческий голос, возвышаясь, доходит до птичьего
крика,
до пенья,
Ах, вскричи будто чайка и ты обретаешь смиренье.
Я и так уже тихая до отвращенья.
(Цветы от ужаса цвели, хотя стоял мороз...
Антихрист в небе шел средь облаков и звезд,

Как огонь и как кровь, распадаясь, в темноты летело-
Где сразу тебя разрывают на части,
Впиваются в плечи несътные пасти,
Вынь памяти соты— они не в твоей уже власти.
И только любовь будто Лота жена блестит,
Копьем в этой бездне глухой висит.
Где полюс Вселенной, скажи мнё, алмазный магнит!
Где белый и льдистый, сияющий Тот,
К которому ичатся отныне и Нансен и Пири и Скотт,
Чрез тьму погоняя упряжку голодных теней?
Я тоже туда—где заваленный льдинами спит
Лиловый медведь, куда кажет алмазный магнит.
Горит в небесах ли эфирный огонь
И глаз косяки пролетают на юг.
Птицы—нательные крестики Бога!
Много вас рвется и снова вас много,
Вы и проводите нас до порога
Синих темнот, где дадут нам упряжку и сани,
Где через вечную тундру дорога,
Там уже мы не собьемся и сами...

III. (восточная)

Е.Феоктистову

Встань! Не стыдно при всех-то спать?
Встань! Ведь скоро пора воскресать.
Крематорий— вот выбрала место для сна!
Встань! Поставлю я шкалик вина.
Господи! Отблеск в витрине— я это и есть?
В этом маковом зернышке воплотилась я здесь?
Что ж! Пойду погляжу цикламены в трескучем снегу
И туда под стекло-пташкой я проскользну, убегу.
Да и всякий есть пташка на ветке поюща,
И никто его слушать не хочет, а он разливается пуще.
Золотым опереньем укроюсь погуще,
Погадай, погадай на кофейной мне гуще.
Потому что похожа на этот я сдохший напиток,

Потому что я чувствую силу для будущих пыток.
Боже, чувствуя на страну я похожа Корею,
Наступи на меня и я пятку тебе согрею.
Боже, выклой зерно на меня поскорее.
Солю слез Твоих буду и ими опьюся.
Всяк есть птица поюща—так хоть на него полюбуйся.
И сквозь снег, продышав, прорастает горячий цветок.
Позвоночники строем летят на Восток.
Форма ангела-ветер, он войдет незаметен.
Смерть твой контур объект, обведет очень четко,
Это едкое зелье, это царская водка.
И лети же в лазури на всех парусах.
Форма ангела-ветер, он дует в висках.

1У (западная)

Н.Гучинской

На Запад, на Запад тропою теней
Все с воем уносит— туда, где темней.
Обноски и кольца и лица, как шар в кегельбане,
Как в мусоропровод— и все растворяет в тумане.
Так что ж я такое? Я хляби предвечный сосуд,
Во мне Средиземное море приливом, отливом мерцает,
Я уши заткну и услышу— что в ракушке шум,
И сохнут моря и сердца их.
А что остается на сохнущем быстро песке?
По пальцам тебе перечислю в тоске:
Моллюски и вирши и слизни и локон,
Но вот уж песок подымаясь зачмокал.
Человеческий голос, возвышаясь, доходит до птичьего
крика,
до пенья,
Ах, вскричи будто чайка и ты обретаешь смиренье.
Я и так уже тихая до отвращенья.
(Цветы от ужаса цвели, хотя стоял мороз...
Антихрист в небе шел средь облаков и звезд,

Но вот спускаться стал и на глазах он рос.
Он шел в луче голубом и тонком,
За ним вертолеты летели верные как болонки.
И народ на коленях стоял и крестился в потемках.
Он приблизился— вечный холод струился из глаз,
Деревянным раскрашенным и нерожденным казался.
Нет, не ты за нас распинался!
Но он мерно и четко склоненных голов касался)
Все с воем уносит и только святые приходят назад.
(Вот Ксения—вишишь?—босая—в гвардейском мундире до пят,
Кирпич несет Ксению и нимб изо льда полыхает над ней)
Все ветер уносит на запад тропою теней.
Все стороны света надорвало пространство креста.
Как в трещащем и рвущемся ты устоишь, на чем?
Лучше в небо давай упорхнем.
Туда на закат, где бледна Персефона
С отчаяньем смотрит на диск телефона.
Где тени и части их воют и страждут—
Граната зерном утолишь ты и голод и жажду.

30-31 дек. 78

Послесловие автора:

Мне самой не все понятно в элегиях, тем более читателю. Кое-что, однако, прояснилось при чтении Флоренского, его слов о том, что мир это круг, поделенный на стороны света крестом, которым они только и держатся, только и живы.

Смысл элегий, видимо, в том, что мир и стороны света и части тела (естественного креста) обособились и отделились от этой опоры, средоточия и основы, — и каждая несет-ся в свою сторону ("глаз косяки пролетают на юг.. позвоночники строем летят на восток" и т.д.) Мир разрывается на части и напрасны усилия стоящего в центре человека (а все мы стоим в центре) стянуть, связать узлом его снова в целое. Отчуждилась, обветшала ткань мира и расположилась от железа (золота?) основы, такой мир существовать не может и с дрожью (не только ужаса, но и радости, облегчения) провидит свой Последний день.

В основе 1 элегии лежит видение, явившееся в небе-три облачных и ясных фигуры— Лев, Орел и Телец, не хватало только ангела, существующего быть по пророку Иезекиилю.

II- начинается с описания мраморной статуэтки, изображающей обнажившуюся пару, без голов, с одной рукой, с одной рукой ногой, но при взгляде на которую кажется, что все это у них есть и даже имеющееся не нужно. На неё гляди видишь невидимое, вырастающее из видимого, как из тумана.

III- цикломены под стеклом— оранжерея у Таврического сада, цветы в ночи под электрическим светом и смутная мысль о стеклянном гробе. Вообще тема цветов, цветущих на морозе, среди снегов, распустившихся от ужаса как бы в предчувствии конца времен и важна для элегии в целом. Их мир— в морозе и мраке, в треске разрывов и скрипучих-то шагов по снегу, и все же— и как никогда цветущий и теплый.

IV. В основу четвертой элегии сон об Антихристе, он там подробно описан. Ксения—святая—Ксения Петербургская, ходившая в мороз босиком, в мундире мужа и приносившая по ночам, в холода, кирпичи для строившейся церкви.
Вот бегло и все.